

глава 1

ВОЙНА

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Грузинский дневник

Очень интересная история — как мы встретили первый день войны.

Мы уже учились в то время. Я пошел к однокурснице моего брата, и мы вместе решили пойти на пляж. Должны перейти Белый мост. Идем уже по Белому мосту, и как-то мне показалось, что на мосту нет машин. На самом деле не было никакого движения. Доходим до середины моста, а оттуда прямо на нас выезжает танк. Перед ним летели две машины, из них вылезали люди и что-то кричали, орали...

Ну, думаю, точно кого-то похитили (*смеется*), свадьба!

Ну, а какая могла быть еще реакция? А когда после этих двух машин опять увидели танк — ассоциации со свадьбой уже не было.

Мы стояли посередине моста и слышали стрельбу. И как-то у меня сработал в этот момент рефлекс: я схватил девушку за руку, и мы спрыгнули под мост.

Ну, все сухумчане знают, что такое эта речка (*усмехается*)! Когда в ней сидишь в новых, хороших брюках, в хороших греческих эспадрелях — эта летняя обувь из льна — ощущаешь себя, как в кино, героем какого-то фильма. Потому что наверху происходят ужасные вещи: стреляют, кто-то кричит, орет...

Просидели мы там довольно-таки долго, пока наверху все не утихло — часа так полтора. Потом решили вылезти и побежали наверх, на улицу Чанба, чтобы отвести девушку домой. Я оставил ее дома... сейчас мне надо перейти обратно на ту сторону, чтобы добраться до своего дома.

Около бани, на улице Чанба, я еле перелез через ограждение и бегу по речке. А вот на железнодорожном мосту сидит снайпер. И, видимо, просто шутит. Если бы он хотел меня убить, думаю, он бы меня убил.

А он шутит: я убегаю, а он мне вслед пускает пули. Так я добежал до того места, с которого мог подняться на свою улицу. А укрепления на берегах такие скользкие — покрыты тиной...

Я не могу подняться на берег и удержаться на укреплениях. Пытаюсь с разбега... второй раз, третий раз... Четвертый раз как-то забежал, удержался, перекинулся через укрепления...

Прибежал к себе домой. Вот там я уже и почувствовал, что со мной случилось за эти два-три часа. Только потом я понял, что началась... война.!

К нам кто-то заходил, выходил... Кто-то стрелял...

Когда я бегал, прыгал, прятался под мостом, тогда я понял, что мне тогда реально угрожало в жизни (*смеется*)!

Такое у меня осталось впечатление от первого дня войны.

МОЛОКО И ВОЙНА

Армянский дневник

Эту грустную историю я услышала от своей матери. Мать моя рассказывала ее с таким потрясением, так глубоко эта история зашла в наши души, что мне казалось, я была свидетелем и участником этой истории.

Это случилось в 1941 году, был декабрь. Во время одних из первых сборов дядю моего, 35-летнего молодого человека, привезли на учения в деревню Ахурян, около Ленинакана, где мы в то время жили. Был очень холодный день.

Моя мама не знала, что ее брата привезли на учения. Вдруг дверь открывается и заходят военные, один из них — мой дядя. Мать очень растерялась, дядя сказал, что их уже увозят.

«Сестра, дай нам чего-нибудь горяченького. Умираем от холода и голода. Только очень быстро, мы спешим, нас уже увозят». Мать еще больше теряется, смотрит по сторонам. Дома был холодный мацун, мать принесла холодный мацун и поставила кастрюлю на стол. А дядя говорит ей: «Да ты что, сестра, мы обмороженные, а ты нам холодный мацун предлагаешь! Разве можем мы это съесть, неужели у тебя ничего горячего нет?!»

Мать схватила за голову, попыталась разжечь костер, что-то приготовить. Пока она бегала, дядя с двумя друзьями вышли, не могли больше ждать, каждая минута была на счету. Когда мать вернулась домой, она неожиданно заметила на полу кухни кастрюлю с горячим молоком.

Представляете, как она переживала, что забыла о горячем молоке, она предложила замерзшим солдатам холодный мацун! Переживая горечь происшедшего, мама схватила эту кастрюлю с горячим молоком и выбросила ее на улицу.

Мать начала с криком рыдать, собрались соседи, которые, узнав о происшедшем, стали также навзрыд плакать вместе с ней.

Это горе на всю жизнь засело в матери. И когда мы подросли, каждый раз рассказывая нам, она испытывала ту же боль, и мы плакали вместе с ней. Положение усугублялось еще и тем, что дядя не вернулся с войны.

Каждый раз, когда у нас в доме было молоко, мы вели себя очень осторожно, старались сами разогреть его, чтобы мама не переживала вновь свое горе. Для бедной моей матери это молоко, в особенности, горячее молоко, стало предателем. И мы всегда слышали ее вздохи. «Да чтобы я умерла, да чтобы мне пусто было, да как я могла, бедный мой брат! Как же я могла не напоить его горячим молоком! Да чтобы я ослепла, как я не заметила, что у меня есть горячее молоко!»

Мы вынужденно успокаивали ее, говоря, что ты, мол, не виновата, ты просто растерялась, когда узнала, что их так быстро забирают на фронт. Но безуспешно — она не успокаивалась, это были слова, ничего не значащие для нее слова. Бедная моя мать, всю свою жизнь она прожила с этим безутешным горем. Это горе передалось нашей семье.

Матери уже давно нет. Я рассказала эту историю своим внукам. Они пока младшеклассники, в старших классах они уже будут знать, как началась эта война и как она завершилась.

Никогда не пройдет эта горечь в сердцах людей, никогда люди не смиряются с утратой, которая осела во всех народах.

Перевод с армянского

ПИАНИНО

Абхазский дневник

Десять лет тому назад у нас в Абхазии была война, вот...

Ну, как проходило это дело? Дома сидел, постоянно дрова пилил, воду таскал из колодца, кипятил ее — потом можно было и выпить эту воду. Ну, жили потихоньку. Эти стреляют, те стреляют, осколки летают, елки-палки... *(перебивает голос женщины: «Самолеты бомбят...»)* Вертолеты ... один день самолет летал, вообще напугал! Пролетел так низко, елки-палки, думал, что вообще, что-то взорвалось в доме! Сосед был, тоже кровь выпил мою. Придет, то туалет простреляет, то двери простреляет... Думаю, черт его знает, может убить хочет меня или дите мое? Девочке тринадцать лет было тогда. Думаю, черт его знает, что у него на уме?

Ну, один раз думаю, что делать?..

Уже три раза, елки-палки, евреи едут в Израиль, а у меня жена еврейка...

Что делать? Хотя бы, думаю, кто-нибудь меня ограбил, а жена все: «Пианино — бабушка подарила, нельзя.. туда-сюда... Ребенок будет играть потом, когда война закончится».

А я думаю: пойду, поговорю с каким-нибудь грузином, чтобы он меня ограбил.

А он мне говорит: «Да что я приду к тебе позориться?! Кроме пианино, у тебя ничего нет, да какой-то там вшивый шифонер»

И-и-и *(с сожалением)*, никто не приходит, не грабит меня! А это уже четвертый самолет, говорят, последний самолет! Улетит в Израиль! Думаю: что мне делать, елки-палки? А у меня уже нервы не выдерживают!

(Перебивает возмущенный женский голос):

— Что ты хочешь от пианино? Все пианино, пианино! Правильно, это память моей мамы! Вот. Она купила, когда умирала. Она два пианино купила: одно — одной дочке, другое — другой. Только пианино, да пианино... Да, мне жалко пианино!

Он:

— Ну, что пианино тебе даст? Так бы мы поехали в Израиль, елки-палки...

Она:

— А что в Израиле?

Он:

— Это самое... У меня здоровье было, все было... Елки-палки...

Она:

— А что в Израиле? В Израиле тоже война!

Он:

— А что война?

Она:

— В Израиле сейчас тоже война!

Он:

— Это сейчас... А уже бы мы приспособились. За три года... Десять лет уже прошло...

Она:

— И тем более, девочек берут в армию...

* * *

В конечном итоге, значит, война заканчивается... туда-сюда... И уже третий день победы, и вдруг у нас пожар случился. Когда дом горел, приехали, правда, с телевидения, елки-палки, как-будто его кто-то поджег, все горело...

Жена просила солдат: «Возьмите пианино, притащите... Муж, видите, в каком состоянии, не может ни двигаться... в таком плане... Ну, не может он туда, в горящий дом, зайти...»

И она попросила солдат: «Принесите, пожалуйста, мне это...»

Правда, шесть человек ворвались в этот горящий дом и вытащили пианино.

Она говорит: «Ну, ладно, хоть все и сгорело, самое главное, что пианино осталось!»

Она:

— Да, память моей мамы!

Он:

— Ну, и что? Вот такая жизнь... Из-за этого пианино, вот, я в Израиль не поехал!

Она (смеется):

— Ты там, в Израиле, сильно нужен! Везде хорошо, где нас нет!

МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

Южноосетинский дневник

Во время первой войны детей из военного Цхинвала отправляли в разные города Северного Кавказа и СНГ. Мои дети, сын подросток и маленькая дочь, тоже были отправлены в Днепропетровск. А старшая дочь-школьница и пятилетний сын остались в городе.

Но война становилась все сильнее, и мы с соседями решили отправить детей во Владикавказ. Я собрала книжки старшей дочери, и мы пошли на место сбора. Когда мы вышли, было тихо, но потом стрельба стала такой сильной, что мы еле добрались до назначенного места. Забежали в подъезд деревянного дома. Дом был таким непрочным, что если бы в него попал снаряд, мы бы все погибли.

По улице проносили раненых. Через несколько минут приехала наша машина, мы быстро посадили в нее детей и нескольких женщин, и она отправилась.

Как-то ночью мы сидели дома с моим мужем. Слышалась стрельба, то затихая, то усиливаясь. Я думала про себя: «Как хорошо, что моих детей здесь нет!» Когда родитель знает, что дети в безопасности, ему легче, за свою жизнь он опасается не так, как за детей. Вдруг послышались шаги на нашей лестнице. Мы с мужем посмотрели друг на друга. В то время никто не выходил на улицу ночью.

Выглянули — и что мы видим: стоит мой четырнадцатилетний сын, которого мы отправили в Днепропетровск с группой детей. Мы от неожиданности даже не смогли ничего сказать. Потом обняли его.

«Как ты приехал, с кем, почему, по какой дороге?»

Он стал нас успокаивать: «Не переживайте, я приехал с мальчиками из района на другом берегу реки. Мы пошли туда посмотреть разрушения, слава Богу, их родители живы».

Когда мы стали спрашивать, «почему вы приехали, как решились», он ответил: «Когда мы увидели по телевизору, как горит город, рушатся дома, кто нас мог еще удержать там?»

«А как вы добрались без денег?»

«Мы, — говорит, — сели на поезд, и когда нас спрашивали, куда мы едем, мы рассказывали, что едем обратно в Цхинвал. Хороших людей много, понимали нас, помогали, кто чем мог».

С одной стороны, мне было тяжело, потому что таким детям на войне очень опасно. С другой стороны, каждому человеку было бы приятно, и я тоже ощутила гордость, что эти мальчики оказались способны на настоящий мужской поступок.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Азербайджанский дневник, Гюльнара Масимова

История эта произошла очень много лет назад, в детстве, и не давала мне покоя очень долгие годы... И просто не с кем было ее обсудить, некому было рассказать...

Это был конец 80-х, мы тогда все были учениками средней школы, и как раз разжигался этот межнациональный конфликт между азербайджанцами и армянами.

И люди уезжали, продавали свои квартиры. Надо сказать, что у нас был многонациональный класс. Мы тогда были в шестом классе. И в нашем классе, хотя он к тому времени был уже совсем небольшой, то есть редел, редел на глазах, учился мальчик, его звали Миша, Миша Артищев.

И родители его решили на волне вот этих событий тоже продать свою квартиру и переехать в Россию. Сам Миша этого жутко не хотел.

Сейчас я вот все больше и больше убеждаюсь в том, что он не хотел уезжать. Он делился с ребятами, что, вот, я не хочу уезжать, я родился в Баку, мои родители, мои бабушка с дедушкой здесь всю жизнь прожили..

Мы не могли ему ничем помочь. Конечно, мы тоже не хотели, чтобы он уезжал, никто этого не хотел...

И Мише буквально оставалось два дня до отъезда. Он решил полезть на крышу к нашему однокласснику. И ребята полезли на эту крышу, чтобы поесть тут. И так получилось, что, кажется, кто-то спустился, а Миша остался на крыше.

Уже вечерело. И в какой-то момент он хотел то ли спуститься с этой крыши, то ли пройти дальше по этой крыше. И в сумерках он не устоял, потерял равновесие и схватился за первое, что, как ему казалось, поможет ему удержать равновесие, и этим чем-то оказался высоковольтный провод. И, конечно, тут же его очень сильно ударило током, и он упал.

Хозяин этого дома быстро поднялся, пытался как-то сделать ему искусственное дыхание, тут же вызвали «скорую». Но Мишу спасти не удалось. Он умер.

Конечно, никто не уехал. Родители остались, чтобы похоронить Мишу. И наш весь класс — мы все пришли к нему домой, чтобы с ним попрощаться.

Как полагается, он лежал в гробу. И мы принесли ему розы, и нужно было положить эти розы прямо на него. Почему-то эта миссия досталась мне. И когда я поднесла эти розы, чтобы положить на него, конечно, мне близко пришлось столкнуться с его лицом, я все это близко увидела.

И его бабушка на меня так грустно посмотрела, конечно, абсолютно сухими от горя глазами и сказала: «Деточка, пожалуйста, положи эти розы так, чтобы Мишеньку они не укололи, чтобы ему не стало больно».

Я не могу сказать сейчас, что я тогда пережила, что я почувствовала.

Но мы все, уже после этого, как его увезли на кладбище, после того, как мы все шли перед этим гробом в последний путь с Мишей, мы поняли, что у смерти нет национальности, что у горя нет национальности.

Мы все до глубины души ненавидели тот миг, что вообще людям пришлось стать перед выбором, чтобы уехать, чтобы оставить, покинуть свои родные места, свою Родину.

И весь наш ужас и трепет вызывала одна мысль, что Миша все-таки сдержал свое слово: он не уехал, он остался.

Причем остался навсегда. Он не покинул Азербайджан, он остался в Баку.

РАДОСТЬ СВОБОДЫ

Абхазский дневник, Амиран Гамгия, 50 лет

Шла война, и мне хотелось попасть на восток, где живут мои родственники. Мы сели в вертолет, и он поднялся в воздух. Почему-то я начал считать. Одна минута — полет нормальный, вторая минута — полет нормальный. И вдруг забылся, я не помню, о чем я думал. Не было тревоги. Но какое-то ощущение, трудно мне объяснить. Как будто я — не я.

Пришел в себя, когда в вертолете начали кричать, и я обратил внимание, что руку мою чем-то обожгло. Вертолет начало бросать из стороны в сторону. Снаряд попал в двигатель и вывел из строя. Осколок попал мне в руку, я обжегся. Вдруг я почувствовал, что голова моя стала горячей. Я решил, что это кровь. Взял ее обеими руками, на мне была лыжная шапка, она была мокрая. Я решил, что это кровь, и начал думать: «Вот я сейчас умру...» и хотел думать о чем-то приятном...

А у меня был маленький ребенок — Зафас, ему два года, и мне хотелось думать о нем. Я хотел, чтоб в памяти он появился. Но он никак не появлялся. За это время мокрая рука соскользнула с головы — мои руки были в масле, мне стало смешно. Это снаряд, попавший в двигатель, вывел из строя двигатель, масло лилось сверху, и поэтому моя голова была горячая.

Вертолет в воздухе еще минуту был, сделал полукруг и в районе Сакена, в горах, он рухнул на землю. Нас окружили и начали обстреливать.

Потом мы с поднятыми руками сдались им. Но ночь была жуткая. На следующей день нас из Сакена отвезли в город. Много было пережито.... Помню: в последний день нас повезли на линию обмена. Нам перевязали головы платком, чтобы мы не видели линию фронта.

Меня под руку вел один парень. Он шел, но я видел, что у него руки дрожали. Я нервничал, чувствовал, что он тоже нервничал.

Я попросил у него сигарету. Он говорит: «Я не курю».

Я говорю: «Слушай, ты же приходил к нам, где нас держали, и приносил сигареты».

Он говорит: «Я делал вид, что курю, чтобы вам принести сигареты».

Вот мы дошли до той половины, когда можно было снять платок. Мы пошли дальше. Нас обменяли...

Потом было застолье... Радость свободы заполнила сердце!

ХЛЕБ И БЕЛЬЕ

Грузинский дневник

Я очень эмоциональный человек. В первые дни войны на самом деле очень боялся, когда слышал выстрелы. Не только слышал, я их и видел, и практически иногда и по нам стреляли. Потом же надо было, в принципе, выходить за хлебом.

После первого, второго дня я пошел в центр турбазы за хлебом. Стрельбы уже не было — прекращалась время от времени. И вот я подхожу — у турбазы «Челюскинцев» есть такой хлебный магазин, гастроном «Додо» называется, там Додо работала. Спускаюсь я по своей улице. А обычно в центре турбазы стоял весь «свет» турбазы. Цария, Кварацхелия... очень многие жители турбазы, особенно наше взрослое поколение постоянно собиралось там после обеда.

Это был путь домой, там разветвляется улица. И смотрю, раз взрослые люди стоят, значит, все нормально, могу смело спускаться. И вот я иду, и в какой-то момент, когда уже практически дошел до них, началась ужасная перестрелка. Снизу, с улицы Ладария. Вдруг (*смеется*) с этими взрослыми людьми я оказался в канаве. Когда я огляделся, вокруг меня сидел весь «свет» турбазы. Все прятались в одной и той же канаве. Очень приятно было видеть то, что люди были вместе, чтобы защитить себя. На самом деле, в то время на турбазе проживало очень много абхазцев. Это было начало войны.

Все боятся войны, взрослые и дети, тогда я был юношей. Был очередной обстрел, и моя мать постирала белье. Решила повесить его перед домом.

Я все кричал: «Мама, зайди назад, мама, зайди домой!» А она ни за что не заходила, говорила: «Кому я нужна?» — и вешала белье.

Я говорю: «Мама, они не знают, кого трогать, им все нужны»...

А она: «Меня не тронут, я никому не нужна».

И в этот момент шальная пуля попала в металлический прут, на котором висело хорошо выстиранное белье. Вы представляете, когда в доме четыре спальни, сколько белья нужно стирать? Все это грохнулось, конечно, испачкалось.

Моя мама, конечно, «залетела» домой. И потом, между прочим (*смеется*), мы ее долго упрашивали выйти и собрать это белье. Ну, все грязное. Я говорю: «Вот, не верила, что никому не нужно это белье? Будешь перестирывать свое белье!»

БОТИНКИ

Абхазский дневник, Оксана Гуния, 30 лет

Эта история произошла со мной во время грузино-абхазской войны. Она про меня и моего супруга.

Мы познакомились еще до войны. Мне было 15 лет, а ему 22. Я училась в школе, а он, окончив военное училище, поступил на исторический факультет Абхазского университета. Мы договорились, что когда я окончу школу и поступлю в институт, мы поженимся. Но началась война, и мой парень пошел защищать Родину. Я с родителями перебралась из села в город Ткварчели, потому что в селе опасно было оставаться — постоянно бомбили.

Во время передышек на войне он меня навещал. Мы скрывали от окружающих свои чувства, потому что у абхазов не принято выставлять любовь напоказ. Я была единственной дочерью, и родители решили отправить меня в более безопасное место, в Гудауту, которое было значительно дальше от мест, где проходили боевые действия. Я уже собрала вещи, когда он пришел попрощаться со мной.

Он был какой-то грустный и сказал мне:

— Ты уезжаешь. А если я погибну, тебя не будет рядом, и ни одна твоя слезинка не упадет мне на грудь. Я не попаду в рай!

Услышав это, я начала плакать и ответила ему:

— Погибнешь ты — умру и я! Мы будем вместе и здесь, и там, на небесах!

После этого, несмотря на уговоры родителей, я не уехала.

Он был командиром группы, и во время каждого наступления я ходила в госпиталь, который располагался неподалеку, искала его не для того, чтобы найти, а чтобы убедиться, что его нет среди раненых. А сколько я молилась и днем и ночью, стоя на коленях, чтобы Всевышний спас любимого!

Как-то раз, после большого наступления, в госпиталь привезли много раненых и убитых. Я обошла всех раненых, но его не было среди них. Затем я решила пойти все-таки в морг, конечно же, с большой надеждой, что его там нет. Женщина, работавшая там, отговаривала меня, говорила, что «это зрелище не для молодых девочек». Но я зашла туда и увидела, что из-под полотна, которым был прикрыт один из убитых, выглядывают те самые зеленые ботинки. Я их хорошо запомнила, так как видела их на нем при нашей последней встрече.

Я окаменела, и, не видя никого, отправилась к обрыву, чтобы покончить с собой. Я уже практически дошла до обрыва и вдруг вспомнила его слова: «Если ни одна твоя слезинка не упадет на мою грудь, я не попаду в рай!»

Я вернулась в морг. Собрав все силы, отдернула простыню и увидела, что это был... другой парень! В таких же ботинках...

Перевод с абхазского

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Абхазский дневник

Скорбный список погибших в моей семье продолжил мой родной брат. Это было 5 июля, шел страшный бой с утра, Каман освобождали. Наши ребята теряли одного товарища за другим. И вот восемнадцатым был — Беслан. Его привезли поздно вечером. Мать приняла тело сына, к ней подошли его друзья и сказали: «Мать, он просил нас перед боем, мол, ребята, если я погибну, спойте, когда принесете меня домой, «Ахурашу» — песню раненного».

Но не получилось у них, я не знаю, по какой причине, то ли не до этого было, то ли друзья его не умели петь. Так или иначе, последняя его просьба не была выполнена. Время было страшное, Афон бомбили, и — мать есть мать — она не могла наглядеться на сына, а все говорила; «Похороните его быстрее, люди приходят, не дай бог с ними что-то случится». Но я заметила, что она и не оплакивает его. И только иногда, оглянувшись по сторонам, приближается к нему, быстро целует и уходит. Вот так несколько раз.

Беслана похоронили. Когда прошло время, я ее спросила: «Мам, почему ты не оплакивала, тебе же было бы легче?» Она говорит: «Ты что, дочь, как могла я его оплакивать, там Сонечка сидела».

И сразу, как будто мне обухом по голове, я вспомнила: у Сонечки-то сын пропал без вести, его тело не привезли. Моей матери, как она решила, «повезло», потому, что сын мертвый, убитый, но его привезли домой, вот он перед ней. Она может его погладить, может поцеловать, его похоронят, она придет на могилу. А вот у Сонечки и этого нет.

Но мать очень переживала, что последнее желание сына осталось невыполненным. «Вот, он просил спеть, а никто не спел, ах, как бы хорошо было бы, если бы кто-то спел!» — говорила она все время. И, видя ее мучения, сосед наш и близкий родственник решил сделать следующее: он договорился с другими мужчинами, и они окружили могилу, в годовщину, когда все родственники собрались на семейном кладбище в селе Анухва.

Немного было странно, почему они встали в круг. И вдруг первым затянул песню вот этот самый сосед — Смыр Платон, и старики дружно подпели, да так ладно, да так красиво, что мне показалось: все замерло.

И село вдруг замерло, и природа, и птицы, и всё, что было вокруг... Они слушали эту песню. И мать облегченно вздохнула и села у могилы сына, и мне показалось, что она даже улыбнулась...

В ОЧЕРЕДИ ЗА ЯБЛОКАМИ

Карабахский дневник

Говорят, что время – лучший лекарь...

И когда происходят какие-то события, сначала мы воспринимаем их где-то трагично, а потом, когда совершенно по-другому на них смотрим, когда проходит определенное время, иногда они у нас вызывают совсем другие чувства, а иногда – даже улыбку и смех.

И вот произошла такая интересная история. Это был сентябрь 1992 года – самое страшное время для степанакертцев. Потому что ежедневно было по несколько авиационных налетов, и все равно люди продолжали жить, потому что нужно было прокормить семью.

И вот в промежутках между такими налетами я выбралась на базар. И когда пришла на базар, смотрю: там, в одном маленьком колхозном ларечке продают очень хорошие яблоки. Я как увидела эти яблоки, сразу представила, как сейчас в подвал своим детям принесу эти большие красные сочные фрукты!

И я забыла обо всем, встала в эту очередь, и вдруг звучит душераздирающая сирена: «Тревога!» Никто в очереди не шелохнулся. Сирена повторилась. И когда уже послышался гул пикирующих самолетов, кто-то закричал: «Ложитесь! Ложитесь!» И очередь стала постепенно «ложиться»...

Я ложусь, но в это время у меня мысль не о том, чтобы как-то укрыться, сохранить себя, а я думаю только об одном – как бы мне лечь так, чтобы не терять из виду очередь, чтобы вдруг кто-нибудь потом не оказался впереди меня.

Я должна сохранить свою очередь, я должна обязательно купить эти яблоки!

В общем, все окончилось благополучно – на базар не попали бомбы. Мы все встаем, отряхиваемся и сразу, моментально, каждый из нас занимает свое место. И все стоят и с таким нетерпением ждут своей очереди...

В конце-концов, моя очередь подошла. Я купила эти яблоки и такая счастливая, чуть ли не на крыльях, возвращаюсь домой – ведь я несу своим детям яблоки!

Потом я вдруг села и подумала – а ведь со мной могло случиться что-нибудь, ведь это были шариковые бомбы! Но даже то, что я была на какой-то грани, в страшной опасности, это меня не так пугало, как меня окрыляла радость, что я в конце концов купила эти яблоки!

РОЗОВАЯ КОМНАТА

Грузинский дневник

Я – Чабрава Марина Аполлоновна, проживала в Гульрипшском районе.

Сегодня хочу вспомнить эпизод из, так называемой сухумской войны.

После очередных июньских бомбежек 4 июля 1993 года умерла моя бабушка. И, естественно, как и положено по христианскому обычаю, нужно было похоронить ее, а до этого обязательно привезти священника. Мне порученно было заняться этим делом, поскольку я знакома с отцом Акакием.

Приехал ко мне знакомый на «Москвиче» старого образца, и на этой «холобудине» мы должны были поехать практически ближе к Новому району. Приехали, нашли его дом, но жена говорит, что он уехал куда-то на отпевание и будет только через час, может, через два часа. Ну, постояли так, а со стороны Гумисты одновременно слышны очередные бомбежки. Я говорю моему знакомому: «Гия, давай тогда поедem в центр города, у меня там живет знакомая».

Приезжаем. Кажется, она живет в этом подъезде, но лифт не работает, подниматься не хочется. Стою внизу и кричу: «Вика, Вика!» Вдруг с седьмого этажа она высовывает голову (*кричит*): «Ой, Марина, поднимайся наверх!»

Но мой знакомый говорит: «Неудобно с пустыми руками идти, у меня здесь есть коньячок». Берет коньяк из бордачка и поднимаемся на седьмой этаж.

У нее соседка — абхазка, она сама — русская, муж у нее менгрел. Когда я вошла в квартиру, была шокирована. Она делала самый настоящий ремонт!

Сын ее стоит и красит батареи, а она возмущенно говорит этой соседке-абхазке, что вот, мол, мой муж такой-сякой, я просила принести его розовый колер, а он принес колер красноватого оттенка, и кухня получилась не такая бледно-розовая, как хотела, а темно-розовая!

Я говорю: «Ты вообще чем занимаешься?»

А она: «Ремонтом».

«Ты что, не слышишь, что бомбят?»

«Ну и что? Побомбят и закончат, а я-то жить должна! В сентябре ребенок в школу должен идти, что, — говорит, — в грязной комнате буду жить?!»

Ну мы улыбнулись, конечно, чтобы обстановку разрядить.

Потом я говорю: «Давай, выпьем за то, чтобы у тебя кухня получилась красно-розового оттенка!»

Эта соседка сразу побежала, принесла кофе, моя знакомая где-то достала и принесла какой-то шоколад, мы поставили бутылку коньяка...

И вот этот час в моей памяти на всю жизнь остался как символ надежды.

В МОМЕНТ ОПАСНОСТИ

Абхазский дневник

14 августа, когда началась война, мы не знали куда идти, бежать ли, или что делать. Вот 14-го война началась, а 16-го вошли танки в город Сухум. 17-го, в десять утра, стали бомбить нашу дверь. Я подумала: какой ненормальный (*усмехается*) так громко стучит к нам в дверь и хочет к нам ворваться? Оказывается, это были гвардейцы. Я так спокойно открываю, и, как цунами, человек четырнадцать ворвались в нашу квартиру.

Я посмотрела: один из них был такой симпатичный интересный парень, с крестом. Я даже подумала, как не подходит ему этот автомат. Я подумала, что обязательно должна ему об этом сказать. Я подошла и сказала: «Слушайте, вы такой интересный, вам в кино сниматься, а вы с автоматом».

Он даже смутился. Потом я про себя еще подумала, что надо все время говорить, чтоб никакая плохая мысль им в голову не пришла. Я в глазах супруга это прочла, беспокойство за меня. И я стала разговаривать с ними и пристала к одному из них.

Я спросила его: «Как твоя фамилия?»

Он мне отвечает: «Я Гела Лордкипанидзе» .

«Ах, вы князь?»

«Да, калбатано, я князь», — говорит он и тут же целует мне руку.

Я, конечно, была ошарашена. На князя он, честно говоря, внешне совсем не тянул! Я тоже сказала, что я княгиня.

Я, действительно, по родословной своей княгиня, и бабушка моя была княгиня. Но фамилию свою я не назвала, все равно она ему ничего не скажет. Думаю, наверняка он читал Гамсахурдия, а там один из героев произведения — абхазский князь Эмухвари, и назвала ему фамилию бабушки. Я надеялась, раз мы оба княжеского происхождения, может быть, это нас спасет?!

И когда они все обчистили, один говорит: «Калбатано, принесите шампанское, я должен выпить!» Я ему отвечаю, что у нас в доме нет шампанского.

А он говорит: «Как нет, я в холодильнике у вас видел!»

Ну, принесла я шампанское и потом спрашиваю: «Ребята, вы же на службе, как вы будете пить, как к этому отнесутся ваши командиры, Китовани и Иоселиани?»

И он этого Китовани и этого Иоселиани по-грузински матом послал и выпил шампанское! Я, конечно, удивилась, что он так поносит своих генералов!

Моего мужа в один момент загнали в спальню и стали щелкать затворами. Я от испуга закричала: «Что вы делаете, подождите!» Они высыпались из спальни, наверное, думали, что я одумалась и покажу им, где хранятся запасы наших денег.

Я говорю: «Убейте сначала меня, а потом моего супруга!»

Они так посмотрели на меня и сказали: «Калбатано, мы никого убивать не пришли».

И когда уже уходили, они моему мужу сказали: «Цените свою супругу, которая хотела за вас жизнь отдать».

И когда они уже ушли, муж меня спрашивает: «Слушай, 22 года ты все время говорила: «Чтоб ты сдох, чтоб ты сдох!», что на тебя в этот раз нашло?» *(смеётся)*

Я ему говорю: «Вот такие мы женщины, в момент опасности мы можем жертвовать собой!»